«Да здравствуют летние каникулы!» — хотелось мне завопить и окунуться с головой в радости безделья, но плотный график этого не позволял. Весь июль мне предстояли ежедневные практики. С августа их количество сократится до двух дней в неделю, по средам и пятницам, все остальное время — одна сплошная подработка, если какие другие планы и возникнут, придется их впихивать в свободное время, и об отдыхе забывать нельзя.
— Господин, господин!
Крошечная ручка дергает спящего меня за нижнюю губу. Открываю глаза и вижу стоящего у себя на груди человечка в пятнадцать сантиметров в высоту.
— Доброе утро, господин. Пора учения, — человечек отвесил глубокий поклон.
Его зовут Фул. Путеводитель по магической книге «Пти Иерозоикон». Ведет себя до крайности учтиво, но искренности ему хронически не достает. И хотя видно, что по отношению ко мне, как к своему мастеру, он старается изо всех сил, результаты этих стараний часто оставляют желать лучшего. Если учесть, что он в своем роде возглавляет остальных волшебных и демонических созданий книги, можете себе представить, как много мне от них пользы.
— С этого дня начинается новый этап практик. Рост господина есть и наш рост. Мы, как единое целое, молим вас проявить волю в познании новых рубежей
— Да-да.
— Доброе утро, Юси-кун!
Пять часов утра. Мой тренер, Акинэ Куга-тян пришла меня будить.
Акинэ-тян учится в третьем классе старшей школы Таканодай. Начинающий экстрасенс, мечтающий в будущем стать экзорцистом. Днем она обычная старшеклассница, а по ночам работает в больнице Цукиноки в отделении для потусторонних созданий.
Под ее руководством я занимаюсь практиками роста духовной силы: в одних плавках под струей ледяной воды читаю в течение нескольких часов подряд сутру.
Вообще-то мне даже было немного интересно, что за новая практика мне предстоит, но на деле оказалось

— Держи, с этого дня будешь читать это.

— Но это не «Сутра сердца»?
— Это мантра. Разновидность сутры Но посложнее! Г— Акинэ-тян многозначительно улыбнулась.
Действительно, эта мантра оказалась намного сложнее «Сутры сердца».
— Намо ратна трая яя Нама арья ва? Валоките? Шварая
Слова были все незнакомые, я с трудом мог их прочесть без запинки, и сконцентрироваться, как обычно, никак не получалось. Льющаяся на голову вода, которую я до этого дня почти перестал замечать, сегодня как-то особенно сильно действовала на нервы.
— Я понимаю, Юси-кун, это раздражает, но терпи! Терпи!
Скорее всего, это все тоже часть тренировки, но все равно все равно
А-а-а, бесит! А-а-а, сил никаких нет!
Пусть на дворе лето, но я чувствовал, как тело под проточной водой медленно, но верно холодеет. Мышцы свело, и вскоре меня начала бить крупная дрожь. Я перестал чувствовать ноги и руки.
Да нет Быть не может Как же так?!
Я не предполагал ничего подобного. Мои эмоции и мое тело точно перестали мне подчиняться
— Ма Маха каруникая Ом чакра варти чин а-а что за!
— Терпи!
Раздающиеся время от времени окрики Акинэ-тян приводят меня в чувство.
Обычно два часа пролетали незаметно, но сегодня они все тянутся и тянутся! Я точно тащусь в темноте с тяжеленным грузом на плечах и от страха, что конца и края этому пути не видно, медленно схожу с ума. Скованные холодом суставы в буквальном смысле скрипят, как

несмазанная телега.

На заламинированном листе бумаги теснились ровные строчки иероглифов.

«Зачем я вообще этим занимаюсь?..» — опять подумал я впервые с начала практик.

Тогда, в первые дни, физически было очень тяжело, хотелось все бросить, но я так быстро привык, что забыл об этом приступе слабости (как сказала Акинэ-тян, у меня талант к концентрации внимания), и утренние водные практики и дневное чтение сутр перестали меня сколько-нибудь напрягать.

Каким же я был наивным!..

Это ведь был только первый шаг!

А стоило чуть повысить сложность — и я уже едва не вою от трудностей!

- Терпи! голос Акинэ-тян точно пронзил насквозь мой мозг, и я невольно подскочил.
- Возьми себя в руки! Терпи! Терпи, терпи!...

Я изо всех сил, несмотря на боль во всем теле, сдерживал нарастающее раздражение, чувствуя, как внутри меня сталкиваются, борются друг с другом самые разные эмоции. И тут...

— Все! Достаточно, Юси-кун.

Стоило мне услышать объявление об окончании практики, и я прямо как марионетка, у которой перерубили нити, плюхнулся на колени в надувной бассейн.

— Ты в порядке? — заглянула мне в лицо Акинэ-тян.

«Ничего я не в порядке!» — хотелось мне огрызнуться, но слова не шли. Голова кружится, ноги и руки дрожат, все тело ноет! Реально болит!

Но Акинэ-тян мое состояние ни капельки не смутило, она довольно улыбнулась:

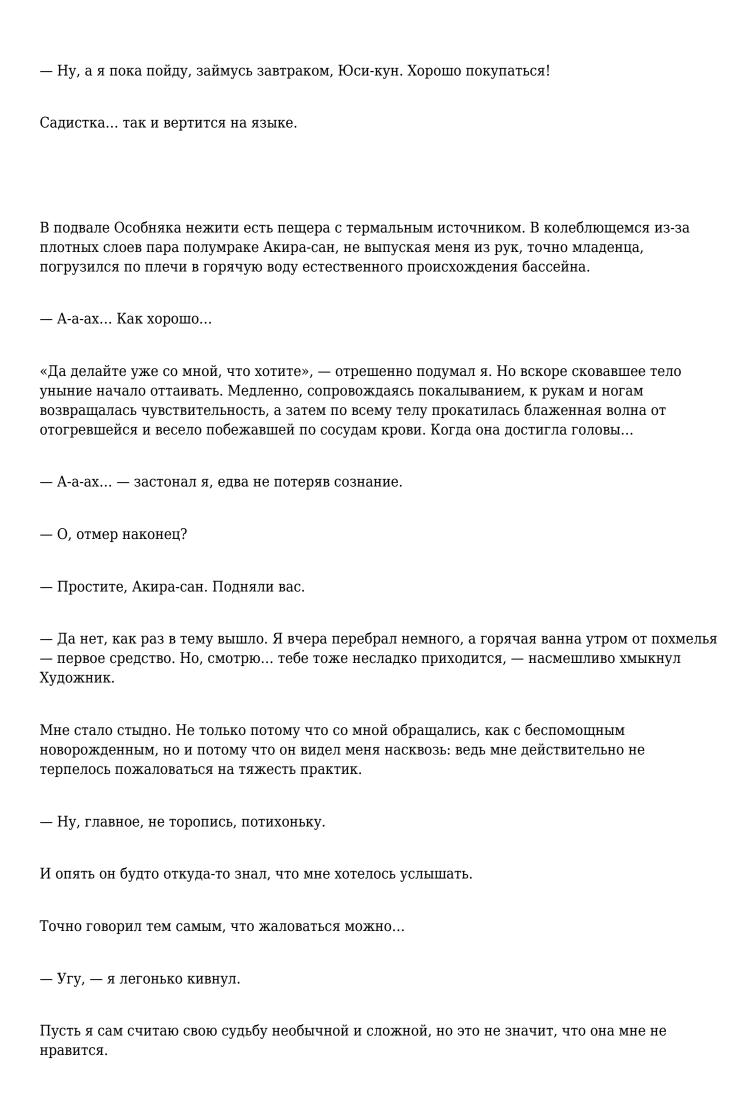
— Ты отлично справился! Молодец!

Спасибо, конечно... Только ничего, что я тут едва ноги не протягиваю?

А Акинэ-тян еще и добавила, окончательно меня доконав:

— Погоди чуть-чуть, я позову Акира-сана, чтоб он тебя в ванную отнес.

А-а-а, так и знал, что этим все закончится!
— Не не на до
Но мой голос не достиг ушей бегущей вприпрыжку к особняку девушки.
Нет, если на то пошло, я уже не раз купался вместе с представителями мужской половины общежития, стесняться, что они увидят меня голым, мягко говоря, поздно, но совсем другое дело, когда тебя относят на ручках, раздевают и усаживают в ванную! Тебе, Акинэ-тян, не понять, как при этом страдает моя мужская гордость! но смысл жаловаться, если я сейчас пыхчу, как после марафона, и пальцем пошевелить не могу.
«Что местным обитателям до моей ничтожной гордости разжевать и выплюнуть»
Размышляя на тему, как жизнь здесь окончательно отправила мои и без того скромные чувство собственного достоинства и уверенность в себе в небытие, я все глубже погружался в пучины депрессии надувного бассейна.
— А вот и мы! Юси-кун, ты живой? — звонким и жизнерадостным голосом поинтересовалась вернувшаяся Акинэ-тян.
Следом за ней, зевая, шел Художник Акира Фукасэ.
Его картины, исполненные в ярких красках в современном стиле, пользуются большой популярностью за границей. С высветленными волосами, грозным взглядом и весь в черной коже, он скорее похож на байкера, чем на представителя мира искусства. Хотя он и правда обожает пустить в ход кулаки и, я слышал, часто устраивает дебоши на своих персональных выставках.
— Что, пошевелиться не можешь, Юси?! Бха-ха-ха-ха! — захохотал при виде моего неподвижного тела Художник.
Смейтесь, пожалуйста. Вообще не вопрос.
— Ого, да ты как ледышка! На труп похож!
Художник легко поднял меня на руки.
— Проследите, чтобы он хорошенько отогрелся, Акира-сан.
— Ага, понял.



Прошлый я, до переезда в особняк, так бы точно не думал. Сейчас же в голове вспыхнули хорошо знакомые слова:

«У тебя впереди долгая жизнь в бесконечно огромном мире. Позволь себе расслабиться».

Мой личный мир и окружающий меня мир — оба бесконечно огромны. И точно так же, как я мало еще что знаю о втором, первый тоже таит в себе бесконечное число неоткрытых пока граней моей личности. Разве это не волнительно? Кто, к примеру, мог подумать, что одной из таких граней будет чародей, господин двадцати двух волшебных и демонических созданий? Круто же! Поэтому останавливаться я не собираюсь. Какими бы тяжелыми ни были практики, они необходимы для будущего меня.

А этот человек, принимающий утреннюю ванну, чтобы снять симптомы похмелья, и легкомысленно мычащий себе под нос какую-то мелодию... прекрасно все это понимает. И не только Художник. Все живущие в особняке люди и существа меня понимают. Поэтому и могут позволить себе с улыбкой сказать: «Жаловаться можно».

Я почувствовал, как на сердце теплеет, но не только от термального источника...

Выйдя из ванной и уловив доносящиеся из кухни вкусные ароматы, я опять едва не лишился чувств.

- Доброе утро. Что, трудимся в поте лица спозаранку? усмехнулся сидящий в столовой Рюсан.
- Ты когда вернулся? То-то я думаю, больно тихо, хмыкнул Художник.

Рю-сан — могущественный экстрасенс и пример для подражания для Акинэ-тян.

Худощавый и длинноволосый, с его внешними данными ему впору работать в шоу-бизнесе или моделью для глянцевых журналов, а не внушать ужас нежити одним своим возвращением в общежитие. То еще, скажу вам, зрелище, когда потусторонние создания в его присутствии вдруг бросаются наутек или расступаются, давая пройти. Мне самому, правда, еще не приходилось наблюдать в деле его экстрасенсорные способности, но уже одно то, с каким почтением к нему относится нежить, говорит о многом.

Хотя я и сам им искренне восхищаюсь. Свойственные ему мудрость и проницательность придают его речам некую особую убедительность, они буквально отпечатываются у тебя внутри. В них чувствуется Истина. Это Рю-сану я обязан тем словам, что стали для меня спасительными: «У тебя впереди долгая жизнь в бесконечно огромном мире. Позволь себе расслабиться».

— Слышал, ты с сегодняшнего дня перешел к более сложным практикам? — с улыбкой спросил Рю-сан.
— У Угу. В некотором роде
— Поэтому ноги не держали? Ха-ха-ха!
Вам лишь бы посмеяться, будто в этом нет ничего такого! А мне, между прочим, со стыда под землю провалиться хочется!
— Завтра я тебя в ванную отнесу.∫
— Бху! — я едва не подавился глотком воды. — Н-не стоит!
— Обидно, однако. А Акира-сану, значит, можно?
— Я тебе больше нравлюсь?!
— Exa-xa-xa-xa!
— Ну хватит вам издеваться! — взвыл я и покачнулся в приступе головокружения.
— Так, все, достаточно. Завтрак готов! — вышла из кухни с подносом Акинэ-тян.
— Наконец-то!
Маринованные в острокислом соусе после обжарки в масле мелкие ставридки и тамагодофу с щедрой порцией летних овощей. Салат из шпината и лепестков хризантемы с тофу, жареная с пророщенными бобами свинина. Суп из моллюсков и слабомаринованные баклажаны. На первый взгляд много, но блюда подобраны таким образом, что умять их все за раз не составит никакого труда.
— Ох, этот запах уксуса Желудок так и сводит от голода. — Даже у Рю-сана, похоже, потекли слюнки.
— Юси-кун, а ты держи свое особое меню. Салат из зелени, овощей и порезанной соломкой говядины. Сначала съешь его, ладно? Не торопись.
— Ого, красота какая!

Сочные зеленые листочки рукколы и кервеля, красные ломтики помидора напомнили, что сейчас самый разгар лета. Маринованные с сельдереем и луком кусочки говядины при раскусывании брызгали пряно-кислым соком, еще сильнее разжигая аппетит. На гарнир к салату шли миниатюрные яйца пашот из перепелиных яиц — будь моя воля, так бы и глотал их, не считая.

Рю-сан и Художник с завистью наблюдали, как я уписываю приготовленные специально для меня блюда. В процессе чтения мантры я несколько раз больно прикусил себе язык, но завтрак был таким вкусным, что саднящие из-за уксуса ранки были напрочь забыты.

После салата меня ждала приготовленная на бульоне еще горячая рисовая каша по-китайски, мягко согревшая все мое тело изнутри.

— Спасибо огромное, Рурико-сан! Все очень вкусно!

Ответственная за кухню Рурико-сан, привидение-кисти, радостно потерла красивые бледные пальцы.

Привлеченные аппетитными ароматами, в столовую явились и другие обитатели особняка.

- Всем привет!
- Доброе утро!

Поэт и сказочник Рэймэй Иссики, нежить, но при этом работающий в крупной косметической компании Сато-сан и садовод-любитель Ямада-сан. Все знакомые лица.

- Рю-сан, ты вернулся!
- Только что.
- Ты сегодня на удивление рано, Акира-сан.
- Отмокал в ванне от похмелья.
- Значит, пива баночку уже вскрыл?
- После ванны пиво самое то!

Столовая наполнилась смехом. Согревшийся в термальном источнике, утоливший голод вкусным завтраком и теперь окруженный жизнерадостными голосами, я чувствовал, как меня

всего окутывает непередаваемое счастье.
В следующий миг.
Открыв глаза, я обнаружил себя лежащим на полу гостиной. Под боком у меня спал Буся.
— А, проснулся? — спросил сидящий на диване Поэт, отрываясь от газеты.
Судя по часам, приближался обед.
— Ты заснул прямо за завтраком. Как младенец!
— А-а-а, опять! — я схватился за голову.
Поэт расхохотался.
— Но это же не повод укладывать меня в обнимку с Бусей!
Буся — мальчик года двух-трех, ставший привидением, когда после долгих издевательств его убила родная мать. Вместе с не отходящей от него ни на шаг собакой Белой, что его вырастила, они живут в особняке и ждут момента, когда их души смогут упокоиться.
— Посапывающие на фоне летнего сада детишки, прикрытые тонким одеялом Чудная картина Ласкаемые раскаленными лучами бирюзовой тьмы, вены и артерии маленьких солнц земли вспучиваются огненными вспышками — блаженно забормотал Поэт.
Видимо, в приступе вдохновения описывал сад особняка, хотя смысл его слов я так и не уловил.
В залитом летнем солнцем саду подсолнухи и чертополохи соревнуются, кто пышнее и красивее расцветет. Из открытой веранды мягко дует прохладный ветерок. Никакого кондиционера не надо.
— О, ты проснулся, Юси-кун. Как себя чувствуешь? — зашел в гостиную Рю-сан.
— Да ничего
Силы вернулись. После завтрака и четырех часов беспробудного сна от утреннего ощущения немощи не осталось и следа. И голова была ясной.

— Эх, вот что значит молодость! Хорошо тебе, — засмеялся Рю-сан, хотя сам выглядит

максимум лет на двадцать четыре — двадцать пять (но истинный его возраст — большая загадка).
— В этом возрасте дети — что губки, моментально все впитывают и усваивают. И постоянно меняются, точно шкуру сбрасывают, раз — и не узнать. Одно удовольствие за ними наблюдать, ждать, когда они засияют в полную силу.
— Прямо как неограненные камни.
Это они меня с драгоценным камнем сравнивают?
Но драгоценные камни становятся таковыми, лишь попадая в руки гранильщика. Иначе мне не было бы к чему стремиться.
— Обед готов! — пришла Акинэ-тян. — А, Юси-кун. Ты как?
— Полон сил!
— Хорошо. Тогда давай обедать. Есть пшеничная лапша и суши!∫
— Но разве во время практик на обед не один хлеб?
— Сегодня днем сделаю тебе поблажку, поэтому можешь есть спокойно.
— ypa!
Особый ланч Рурико-сан (хотя у нее каждое блюдо— особое) включал в себя охлажденную пшеничную лапшу и тираси-суши со скумбрией. Рыбные кусочки, еще теплые, кроме ожидаемого кислого уксусного послевкусия наполняли рот целой гаммой пряных ароматов. Умопомрачительно вкусно!
— Сразу чувствуется наваристый рыбный бульон! — простонал Поэт.
— Сейчас бы рюмочку опрокинуть, — Рю-сан рукой сделал жест, будто пьет саке.
— О, а давай?
— Давай-давай.
— Рури-Рури, поставь-ка нам «Лайгиндзё»!♪

Саке под лапшу с тираси-суши? Мы с Акинэ-тян, будучи еще несовершеннолетними, лишь с улыбкой переглянулись, хотя что-то мне подсказывало, что вареная скумбрия и правда неплохо бы сочеталась с саке.

Жаркий летний полдень. Охлажденная, что почти зубы сводит, лапша, пряная рыбка в качестве закуски под «Дайгиндзё»... Роскошно. Пусть я сам непьющий, но все равно понимаю, насколько это роскошно.

— Кстати говоря, Хасэ-кун к нам не собирается? — спросила Акинэ-тян. Ожидала, видимо, что он в первый же день каникул примчится.

Мидзуки Хасэ — мой лучший друг, которому известно все и обо мне, и о «Пти», и об этом общежитии. Он учится в элитной школе в центре города, поэтому видимся мы редко, но Хасэ, всем сердцем полюбив особняк, приезжает теперь чуть ли не каждые выходные с ночевкой, чтобы расслабиться и вдоволь насладиться праздным времяпрепровождением.

- Хасэ с семьей уехал в Австралию кататься на лыжах. Вернется где-то недели через две.
- Летом на лыжах?! Да уж, нам богатых людей не понять.
- Хотя и я сказал «с семьей», но на самом деле поехали только трое: Хасэ с мамой и старшей сестрой. Отец не смог оставить компанию. В их семье женщины закон. Сказали, что летом хотят кататься на лыжах, хоть тресни, а сделают по-своему.
- А-ха-ха! Оказывается, и Хасэ-куну нелегко приходится.
- Еще как. Отдых одно название, он мне вечно жалуется, что чувствует себя с ними бесплатным сопровождающим: билеты купи, гостиницу закажи, столик в ресторане зарезервируй и так далее. Вечно после таких поездок, особенно заграничных, возвращается как лимон выжатый.
- A-xa-xa-xa!

Наслаждаясь особым ланчем Рурико-сан, мы много смеялись, болтали, в общем, приятно проводили время.

Практика во второй половине дня продлилась всего два часа. Посреди темной комнаты перед одинокой свечой я раз за разом перечитывал сутру, способствующую концентрации внимания.

Окунувшись в термальный источник, я вновь наелся до отвала вкуснейшей едой, а там и день

Когда я вернулся к себе, на лежащем на столе «Пти» возник Фул и отвесил глубокий поклон.
— Примите наши искренние поздравления с окончанием этого полного благородных трудов дня, господин.
— Спасибо.
— Смею заметить, от вас сейчас исходят особенно приятные энергетические волны. Мое сердце преисполнено радостью — И Фул протяжно вздохнул.
Я усмехнулся. Вечно он все преувеличивает.
Хотя я и правда отлично себя чувствовал. Все тело переполняла сила
Я посмотрел на свою ладонь. Казалось, даже мои пальцы светятся просачивающейся сквозь поры кожи энергией. Удивительное чувство. И вдруг меня осенило.
«У меня же во рту!»
Утром во время чтения незнакомой мантры я несколько раз сильно прикусил себе язык, но сейчас он уже совсем не болел. Все прошло, а я даже не заметил.
«А практика-то эта, похоже, и правда крутая!»

подошел к концу.

Но только-только разгоревшееся ликование испарилось без следа уже следующим утром. Практика опять прошла так тяжело, что я потерял сознание на первых звуках голоса Акинэтян, когда она объявила, что «Все, достаточно». Уже одно радует, что благодаря этому я не запомнил, как Рю-сан на руках относил меня в ванну и опускал в бассейн.

Очнулся я уже в горячей воде. Рю-сан улыбался. Повезло, что Хасэ уехал. Еще не хватало, чтобы он меня таким видел.

Однако, как легко у меня сменяется режим с «вынули батарейку» до «полностью заряжен» и обратно.

Только прошлой ночью я чувствовал себя совершенно другим человеком, а сегодня представляю еще более жалкое зрелище, чем вчера. Я вообще смогу такими темпами продолжать эти практики? На меня опять накатила тоска.

Но после завтрака и недолгого сна в голове прояснилось, телу вернулись силы, а унылый настрой прошел сам собой. Покончив с дневной практикой и ужином, я вернулся к себе в комнату и, вновь заряженный до отказа непонятно откуда взявшейся энергией, засел за домашние задания. Восхищенный той легкостью, с какой я расправлялся с задачками и упражнениями, я опять невольно подумал: «Да я на самом деле крут!».

И вновь утренняя практика стоила мне всех душевных и физических сил...

«Что же теперь, и так до самой смерти будет продолжаться?» — устало думал я (а после того, как Рю-сан отнес меня в ванну, совсем впал в депрессию).

Но пришло четвертое утро.

«Хм... Кажется, стало полегче!..» — почувствовал я.

В теле будто заискрил совсем слабенький электрический заряд. Это ощущение усилилось на следующий день, затем еще и еще.

— Все, считай, привык. Быстро ты, — похвалила меня Акинэ-тян.

Чем больше у меня оставалось энергии после утренних практик, тем «заряженнее» я чувствовал себя днем и вечером. Причем именно в плане концентрации внимания и силы воли. На ежедневную порцию домашних заданий уходило совсем ничего времени. Сам себе поражался.

«И все-таки... все-таки я крут!» — крепла во мне уверенность, и уже ничто не могло ее пошатнуть.

И тут...

http://tl.rulate.ru/book/98654/3344811